
А. В. КОЛМАКОВА

ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СТРАНЫ ОКЕАНИИ В 2020–2022 гг.

В статье показаны особенности глобальной пандемии коронавируса в Южно-Тихоокеанском регионе в 2020–2022 гг. Обозначена специфика убытков отраслей и комплекса национальных экономик развивающихся и развитых стран Океании. Произведен анализ последствий для региона в целом.

Ключевые слова: Австралия, ЮТР, Южно-Тихоокеанский регион, Тихий океан, развивающиеся страны Южно-Тихоокеанского региона, Океания, глобальный экономический кризис, убытки от пандемии, Бугенвиль, конфликты в Океании, ущерб от коронавируса, коронавирус и регионы мира.

Введение

Коронавирус, распространившийся по всем регионам мира, оказал свое негативное влияние на все развивающиеся страны мира, в том числе последствия наблюдались и в Южно-Тихоокеанском регионе. Бедные страны Океании, крайне зависимые от туризма и внешних дотаций развитых стран блока Австралии, Новой Зеландии, АСЕАН, КНР, Соединенного Королевства и других, в рамках обострения борьбы за ресурсы во всем мире (см. список литературы к статье) сразу ощутили последствия сокращения притока инвестиций, а в настоящее время – отсутствие быстрого возврата всех вышеуказанных источников доходов к докризисному уровню.

Цель исследования: показать негативное влияние последствий коронавируса в Южно-Тихоокеанском регионе в 2022 г.

По завершении волн пандемии коронавируса в Океании Австралия, по данным статистики, бывшая лидером по количеству заразившихся и умерших, начала проводить новый курс финансового оздоровления своей экономики. Правительство учло свои ошибки игнорирования всей опасности. Правящим кабинетом были проанализированы слабые меры и упущенное время, которые привели

*Историческая психология и социология истории 2/2022 147–153
DOI: 10.30884/ipsi/2022.02.10*

к всплеску заболеваний в первые месяцы пандемии. На протяжении 2020–2022 гг. ущерб национальной экономике от коронавируса превысил, по оценкам разных источников, сумму в 100 млрд долларов США. К концу 2022 г. правительство постоянно и скрупулезно ухудшает в одностороннем порядке отношения с ведущим импортером линеек ресурсов, Китайской Народной Республикой (КНР). Канберра игнорирует факт роста количества провалов своей региональной стратегии в ЮТР (Немчинов, Захарьев 2019; Рыбалко 2021; Кремнев, Иванов 2021; Сидорова 2019: 5–156; Захарьев 2021г; 2019а; Тихонова 2020; Захарьев и др. 2016; Скоробогатых 2011: 100–240; Скрипниченко, Пале 2017; Mutual... n. d.), но национальная экономика после влияния COVID-19 все ярче демонстрирует ошибку данного курса, так как ни Вашингтон, ни Лондон не компенсировали государству растущие убытки.

Новая Зеландия имеет свою стратегию. В 2022 г. были налажены старые контакты и программы сотрудничества с регионами Полинезии, Меланезии и Микронезии, то есть с развивающимися государствами ЮТР; правда, дотации пока не достигают уровня докризисного 2019 г. При этом сохранился ряд программ сотрудничества, которые инициировал Веллингтон до того – например, МАР (Mutual Assistance Programme) с дотационными фондами (Mutual... 2022), квоты на поставляемые в развивающиеся страны ЮТР товары и проч. (Шарипов 2021; Немчинов, Захарьев 2019; Рыбалко 2021; Тихонова 2020: 3; Захарьев 2017а; Скрипниченко, Пале 2017; Дроздова, Пале 2014; Буров 2017; 2021). Следует отметить, что на рейтингах Новой Зеландии в Океании это никак не отразилось, страна по-прежнему пользуется уважением бедных государств, что ей выгодно, в отличие от агрессивной политики, проводимой Канберрой. Национальную экономику затронул ущерб, понесенный авиаперевозчиками, который составил 289 млн новозеландских долларов. Правительство передало им заем в размере 1,5 млрд долларов США, из которых авиакомпании истратили на покрытие издержек по ущербу от закрытия границ около 350 млн новозеландских долларов (237 млн долларов США). Хотя транш был относительно оперативным, он не покрывал весь объем потерь отрасли.

В декабре 2019 г. от Папуа – Новой Гвинеи отделился остров Бугенвиль, независимость которого центральное правительство в Порт-Морсби не признает. Данный курс поддерживают Канберра и Вашингтон, в том числе по линии АУКУС. Параллельно правительство Аравы (Бугенвиль) ведет диалог о партнерстве с Пекином.

Хотя пандемия относительно слабо повлияла на Араву и остров в целом, Австралия, Великобритания и США мешают КНР наращивать влияние в Южно-Тихоокеанском регионе на стратегически важных направлениях: размещать подводные лодки и налаживать логистику в глубоководном проливе Тимора-Лешти (хотя данная инициатива потерпела крах). Разумеется, англосаксонским государствам не нужен китайский флот и на Соломоновых островах, которые значительно больше пострадали от пандемии и активно нуждаются в стабильных быстрых инвестициях из КНР. Это касается и лобби английских и немецких вакцин против китайских более дешевых аналогов во всех развивающихся странах ЮТР. Если китайцы и бугенвильцы договорятся, то КНР будет заинтересована в освоении ресурсов отделившегося острова. Китайские компании привлекает богатейшее в мире месторождение меди, находящееся на острове. В течение Бугенвильской войны 1988–1998 гг. ТНК активно и хищнически добывали разнообразные ресурсы, от золота и платины до редкоземельных металлов, декларируя их как побочную руду без налогообложения в своих странах. Поскольку редкоземельные металлы с быстрых месторождений в КНР истощаются, Пекин проявляет особый интерес к закрытым рудникам острова. КНР с разрешения Аравы ведет активное журналистское расследование, касающееся поиска следов вооружений, испытанных в 1988–1997 гг., поскольку от этой войны осталось крайне мало свидетельств ввиду удаленности субрегиона, плохой связи и доинтернетной эры. При этом испытанные образцы вооружений после 1997 г. перекочевали к уйгурским сопротивленцам, причинив массу неудобств вооруженным силам НОАК КНР. Сам остров даже во время пандемии не выпадал из орбиты интересов ключевых игроков глобального пространства (Захарьев 2019б; Пале 2021; Дробот 2021; Mutual... 2022), и в 2022 г. Пекин подтвердил заинтересованность продолжать диалог с Аравой и Порт-Морсби.

Ввиду пандемии прекратил деятельность туристический сегмент развивающихся стран ЮТР, который обеспечивал значительный стабильный ежегодный доход в субрегионах развивающихся бедных государств Океании. В 2022 г. ситуация не изменилась. Это крайне негативно отразилось на экономике и уровне безработицы в Палау, Тонга, Вануату, на Фиджи, в Федеративных Штатах Микронезии (ФШМ) и Кирибати, где сезонная работа обеспечивала заработком широкие слои населения. Ситуация во французских департаментах и на территориях английской короны, на Маршалло-

вых островах (США), Гуаме (Захарьев 2019а; 2019б) также не изменилась в позитивную сторону, территории развитых стран продолжают нести убытки, пусть даже частично компенсируемые метрополиями.

Особую роль для региона сыграло извержение вулкана в акватории Королевства Тонга, которое повлекло за собой серию цунами, разрушивших инфраструктуру соседних государств и державших в страхе ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на минимальное количество жертв, стихийное бедствие было представлено в международных СМИ так, что развивающееся государство за короткое время получило существенный массив гуманитарной помощи – больший, чем в рамках традиционных дотаций от развитых стран и торговли гражданством (Захарьев 2022: 4–9, 108–112).

Страны Южно-Тихоокеанского региона так и не разрешили комплексные локальные конфликты. Большинство из них заморожены при активном участии Новой Зеландии и Австралии (2022 г.) (Mutual... 2022).

Следует отметить общую тенденцию психологической подавленности населения развитых и развивающихся стран Южного Тихоокеанского региона в условиях волн пандемии, ввиду экономических убытков и поляризации слоев общества, тогда как страх заразиться опасным коронавирусом не повлиял на массы в развивающихся странах ЮТР. Причиной данного социального поведения страт общества народов Океании являются комплексные проблемы субрегионального менталитета, занятость масс населения локальными проблемами своих островов или территорий, международные региональные конфликты внутри развивающихся стран ЮТР, противоречия с внешними игроками глобального пространства и иные актуальные вопросы Тихоокеанского региона.

Литература

Арди, А., Малетин, Н. П. 2021. АСЕАН и ЮТР в 2010–2020х гг.: актуальные проблемы международных отношений. *Историческая психология и социология истории* 2: 160–166.

Буров, В. Ю.

2017. Теоретические основы исследования теневой экономики: ретроспективный анализ. *Теневая экономика* 2: 57–72. URL: <https://1economic.ru/lib/37712>.

2021. Трансформация теневых практик экономической деятельности в условиях пандемии. *Теневая экономика* 2: 79–94. DOI: 10.18334/tek.5.2.112325.

Динкевич, А. И.

2009. Мировой финансово-экономический кризис (опыт структурно-функционального анализа). *Деньги и кредит* 10: 23–30.

2010. *Новая экономика: методология и модели*. М.: РЭА им. Г. В. Плеханова.

Дробот, Е. В. 2021. Сравнительный анализ национальной конкурентоспособности независимых государств Южно-Тихоокеанского региона. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 46–77.

Дробот, Е. В., Макаров, И. Н.

2021а. Сценарии развития и стратегии управления теневой экономикой. *Теневая экономика* 3: 183–198. DOI: 10.18334/tek.5.3.112237.

2021б. Оценка факторов и стрессоров теневой экономики: мировой опыт. *Теневая экономика* 1: 53–77. DOI: 10.18334/tek.5.1.112236.

Дробот, Е. В., Рыбалко, М. Л. 2020. Место Новой Зеландии в складывающейся архитектуре международных отношений в Южно-Тихоокеанском регионе к концу 2010-х гг. *Экономические отношения* 1: 27–34. DOI: 10.18334/eo.10.1.41340.

Дроздова, Л. В., Пале, С. Е. 2014. Страны АСЕАН: курс на объединение экономических интересов интеграционная политика восточноазиатских государств после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. *Азия и Африка сегодня* 3(680): 33–37.

Захарьев, Я. О.

2017а. Австралия и Канада: тактики ведущего и ведомого в условиях глобального экономического кризиса. *Экономические отношения* 7(2): 177–182.

2017б. Папуа – Новая Гвинея: проблемы экономической интеграции в начале XXI века. *Экономические отношения* 7(3): 279–286.

2019а. Мягкая сила Новой Зеландии в 2010–2020 гг. В: Сидорова, Г. М. (ред.), *Южно-Тихоокеанский регион: история, политика, экономика, культура*. М.: ОнтоПринт, с. 148–156.

2019б. Бугенвиль: тлеющий региональный конфликт и объект геостратегических экономических интересов участников «Большой игры». *Экономические отношения* 9(3): 1549–1562. DOI: 10.18334/eo.9.3.40873.

2021а. Влияние мультикультурализма на систему управления и делового общения бизнеса хуацяо Юго-Восточной Азии и Океании в начале XXI века. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Сер. Гуманитарные науки 4–2: 18–21.

2021б. Почему Австралия превращается в развитого введомого игрока глобального и регионального пространства. *Экономические отношения* 11(3): 557–564.

2021в. Пандемия вируса COVID-19 в Южно-Тихоокеанском регионе в 2020–2021 гг. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 143–149.

2021г (ред.). *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: Онто-Принт.

2022 (ред.). *Австралия и Океания: архитектура геостратегических интересов в начале XXI века*. М.: ОнтоПринт.

Захарьев, Я. О., Скрипниченко, А. В., Александрин, О. И. 2016. Геополитическая геостратегия АТР: Новая Зеландия в 2010–2020-х гг. *Казачество* 22(9): 27–35.

Кремнев, Е. В., Иванов, К. А. 2021. Региональные исследования в Австралии: направления и проблематика на базе Австралийского национального университета. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 90–95.

Немчинов, В. М., Захарьев, Я. О. 2019. Южный Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура-2018. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития* 2/3(44): 232–237.

Пале, С. Е.

2012. *Постколониальные конфликты в странах Океании*. М.: ИВ РАН.

2014. Китай в Океании. Энергетика: настоящее и будущее. *Азия и Африка сегодня* 9(686): 14–18.

2021. Гавайи как часть ЮТР в культурно-исторической ретроспективе. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 16–32.

Рыбалко, М. Л. 2021. Проблема коллективного действия при создании интеграционных объединений южной части Тихого океана. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 110–120.

Сидорова, Г. М. (ред.). 2019. *Южно-Тихоокеанский регион: история, политика, экономика, культура*. М.: ОнтоПринт.

Скоробогатых, Н. С. 2011. *История Австралии*. М.: ИВ РАН.

Скрипниченко, А. В., Пале, С. Е. 2017. Актуальные проблемы Новой Зеландии в начале XXI века. *Экономические отношения* 7(2): 191–198. DOI: 10.18334/eo.7.2.37983.

Тихонова, К. И. 2020. Особенности развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона на примере Сингапура. *Nauka.me* 4: 3.

Хазанов, А. М. (ред.). 2012. *Ось мировой политики XXI в. Обострение борьбы за ресурсы в Азии и Африке*. М.: Центр стратегической конъюнктуры.

Хазанов, А. М., Воронин, С. А. 2022. Экономические и территориальные претензии государств АСЕАН к странам Южно-Тихоокеанского региона в контексте серых схем межрегиональной теневой экономики. *Теневая экономика* 6(1): 61–73. DOI: 10.18334/tek.6.1.114557.

Шарипов, У. З. 2021. Реальность и проблемы политических и экономических связей в Индо-Тихоокеанском регионе. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 121–142.

Mutual Assistance Programme. N.d. URL: <https://www.defence.govt.nz/what-we-do/diplomacy-and-deployments/deployment-map/mutual-assistance-programme/>.